

Догнавшие осень

В четырнадцатый год третьего тысячелетия, в тринадцатый день его десятого месяца, мы со Стёпой Славером упали с неба в мягкую московскую осень, в жёлтые ковры переделкинских клёнов. Утром ещё были в самом центре холодной, потерявшей листву и посыпанной первоснежьем Сибири, а после полудня уже шли по солнечным асфальтовым подмосковным дорожкам территории Дома творчества, застеленным специально для нас резными узорами больших жёлтых листьев.

Чудеса техники, воплощённая в реальность мысль человека, и — за пять часов мы переместились на четыре тысячи километров в пространстве, прибавили себе четыре часа к сегодняшним суткам по времени и догнали ушедшую три недели назад от Енисея за Урал золотую осень.

Два провинциальных стихотворца, мы рванули в столицу на фестиваль патриотической поэзии по зову нашего друга поэта Молоткова и собирались на семь дней оккупировать двухместный номер нового корпуса писательского Дома, где до нас уже не однажды жили неделями и месяцами многие известные литераторы страны. От самой проходной до красной кирпичной четырёхэтажки ковры шуршали под ногами и шелестели с деревьев, а с лазурного потолка неба слепила и грела нам макушки яркая лампа солнца. Воздух хрустел в такт нашим шагам, но даже обильно разлитого здесь кислорода не хватило, когда поднялись по ступенькам крыльца.

— Подожди немного, дай отдышусь... — попросил меня Степан, когда я потянул на себя стеклянную дверь писательской гостиницы.

Мы подождали возвращения дыхания и с первыми ровными ударами сердца вошли.

Белокурая дежурная, узнав, что мы сибиряки-енисейцы, признала в нас земляков её мамы, с улыбочкой выдала ключ от номера и объяснила, в какое время нам нужно ходить в кафе для завтрака, обеда и ужина.

Обед по расписанию с час как закончился, а до ужина было ещё четыре, поэтому, едва устроившись, мы уничтожили то, что оставалось у нас из продуктов питания, запив колбасу, хлеб, яйца и курицу апельсиновым соком, предусмотрительно

купленным Стёпой в павильоне на выходе из метро.

Пятичасовой перелёт и ещё три часа и двадцать минут в дороге от аэропорта, через столицу, до Переделкино остались в прошлом — вместе с усталостью и волнениями. Впереди была московско-переделкинская неделя. Нас ждали друзья-коллеги, нас ждал конкурс-фестиваль.

Да здравствует фестиваль!

После аппетитного перекуса я пошёл исследовать совмещённый санузел, а Славер не был бы Славером, если бы сразу не начал записывать в рифму свои дорожные впечатления.

Пока я принимал душ, Степан, как истинный и первый поэт Сибири, записал стихотворение о сегодняшнем перелёте «Приземлюсь во Внуково» и два первых из будущего цикла «Транзитом в Переделкино». Он заканчивал второе, когда я вышел из душа и, развалившись в кресле, приготовился слушать.

Славер сосредоточился, приподнялся с дивана, где записывал в блокнот строки прямо на коленях, разгладил усы и чуть сбивчиво, но с пафосом прочёл свежие стихи, подавая пример мне, не входящему даже в первую десятку сибирских пиитов.

Душ принимать до ужина он не стал, а, поймав кураж, записал ещё несколько строк очередного своего шедевра. Мы сфотографировались на балконе, на фоне клёнов и фонарей образца середины двадцатого века, а потом на фоне окна и балконной двери постройки восьмидесятых. Солнце уже садилось, когда пошли на ужин в «стекляшку» — пристройку семидесятых к старому корпусу Дома творчества — бывшую столовую, а ныне кафе. Как оказалось, это был первый и последний за все семь дней законный наш ужин там. Начиная со следующего утра, другие дни закружили нас вместе с листьями клёнов, дубов и тополей, завертели в кругу поэтов, критиков и читателей, замотали в бесконечных переходах метро, в пригородной кассе Киевского вокзала, в ранних и поздних электропоездах.

В стоимость нашего проживания в Доме творчества входило трёхразовое питание, но поскольку мы не собирались сутками обитать в Переделкино

и все планы наши были связаны со столицей, то успевали только на завтраки. Что предлагают на обед в переделкинской «стекляшке», мы со Стёпой так не узнали.

Обеденное время мы проводили в столице: один раз у Молоткова, другой — в попутном бистро недалеко от Красной площади, в третий — заглянули в «Макдоналдс» на Тверской. Ещё два раза обошлись чаем с чебуреками возле метро «Баррикадная», а однажды решились спуститься в легендарный подвальный Центрального Дома литераторов. Но об этом отдельный рассказ.

Дискуссии на фестивале, экскурсия в Литературный институт, выступления в библиотеках (иногда с чаепитием) занимали нас с утра до вечера, и мы добирались до Переделкино в лучшем случае, когда в кафе Дома творчества заканчивали мыть вечернюю посуду.

Возлюбившие лапшу

Каждый раз, шагая от железнодорожной платформы к Дому творчества, мы проходили мимо круглосуточно работающего павильона и, естественно, заворачивали на огонёк, покупая хлеб, колбасу, апельсиновый сок и лапшу быстрого приготовления «Доширак».

«Доширак» вошёл в наш рацион и нашу переделкинскую жизнь в самый первый вечер. Поужинав, мы вышли тогда прогуляться по тёмным улицам посёлка писателей, по тускло подсвеченным редкими фонарями аллеям территории Дома творчества, собирая охапками большие кленовые листья, с намерением сложить их между страницами подаренных нам московскими литераторами книг и увезти в Сибирь. Пока ходили, дышали свежим воздухом, снова почувствовали лёгкий голод, а ноги вывели нас на павильон, так и заманивающий бредущих в полутьме на свой яркий маячок. Вот тогда, покупая колбасу, хлеб, сок, мы решили взять и две пластиковых упаковки «Доширака». — Надо чего-то горяченького перед сном поесть, — убедил меня Степан.

Залитую кипятком лапшу вприкуску с колбасой мы съели с неожиданным азартом и, довольные, проговорили до полуночи. Спыхватились, когда высчитали, что на Енисее, где мы были ещё сутки назад, теперь четыре утра. В общем, первый день, да и вечер, в Переделкино прошёл на возвышенно-поэтическом уровне, и ночь мы спали хорошо.

А во второй наш переделкинский вечер, выжатые фестивальной суетой, но вдохновлённые лауреатством Славера, мы решили обмыть его награду, прихватив в павильоне к колбасе, хлебу, соку и «Дошираку» двухсотпятидесятиграммовую бутылочку водки. Разлив сразу всё в три пластиковых стаканчика, в один из них погрузили Стёпину лауреатскую медаль. К опустившейся на дно нижним лучом звезде поэт-лауреат патриотического

фестиваля указательным пальцем правой руки подтолкнул и позолоченную шёлком колодочку, а когда питьевая жидкость стала выходить через край, он наклонился и отхлебнул.

— За нового лауреата Степана Славера! За сибирскую поэзию! — сказал тост я.

Степан протянул руку со своим стаканчиком навстречу моему, слегка задел его, а потом дном коснулся стакана с медалью, после чего выпил. Я тоже последовал примеру старшего товарища: чокнулся со «звёздным» стаканчиком. Естественно, «Доширак» уже ждал нас, залитый кипятком, и колбаса была порезана на тоненькие кружочки.

И на этот раз аппетит был нашим другом.

Сражённые музыкой

После ужина я, по складывающейся уже традиции, пошёл первым в душ, а Стёпа взялся за свой блокнот, чтобы записать срифмованные у него в голове новые строки. Я был в приподнятом настроении. Стоя под горячими струями, радовался за приятеля-лауреата и пел:

Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в Москве!

Да, друзей у нас со Стёпой за первые два дня в Первостольной появилось немало. Мы исписали по блокноту, внося на страницы имена, фамилии, номера телефонов и адреса электронных ящиков. Набрали коллекцию визиток поэтов, прозаиков и литературных критиков. А до отлёта на Енисей была ещё уйма времени, и впереди нас ждали новые встречи и новые знакомства. Сердце ликовало, душа пела и исторгала из гортани слова и мелодии.

То усиливая, то понижая пение, я не сразу услышал частый стук в дверь совмещённого санузла. Но когда всё-таки услышал, песню прекратил.

— Серый, ты пока мойся там, а я вниз побегу! Уменя что-то живот закрутило... — крикнул из-за двери Степан.

— Куда вниз? Я уже заканчиваю, сейчас оденусь и выйду! — отозвался я.

— Да не могу я уже! — ещё громче крикнул Степан. — Наружу всё с грохотом рвётся! Я там, на первом этаже, туалет видел. Побегу!

— Ну давай!

Услышав, как хлопнула за Стёпой дверь, я через минуту закрыл воду и снял с вешалки полотенце.

Друга я никогда не забуду... —

продолжал напевать я, но уже вполголоса, выйдя из ванной.

На диванчике, где Славер записывал свои шедевры, лежали блокнот, авторучка и носки. На столе оставалось несколько кружочков полукопчёной колбасы на подложке, прямоугольники нарезанного хлеба, бумажная упаковка с недопитым соком, две пустых упаковки из-под лапши, пустая

бутылочка из-под водки, два пустых пластиковых стакана и один — с утонувшей в водке лауреатской медалью Степана. Надев спортивные штаны, я, немного подумав, накинул и рубашку. Застёгивая пуговицы, обнаружил отсутствие второй сверху. Лениво посмотрев под ноги и на кресло, я решил отложить её поиски на потом, а сначала навести порядок на столе, где, помимо недоеденных нами продуктов, лежали стопочками подаренные нам со Стёпой московскими авторами книжки с автографами-пожеланиями и без таковых. Сложив в одну из упаковок пустые стаканчики и бутылку, я вложил её в другую упаковку и понёс в санузел, к мусорному ведру. Вот там, в санузле, в моё второе за вечер востешствие туда, у меня сначала заурчало в желудке, а потом запело и мелодично рванулось наружу. Мелодия, похожая на звук флейты, прозвучала, едва я освободился от мусора. А следом, после первого же моего шага, грянули трубы, басы и барабаны. Я бросился к унитазу и, уже сидя на белом изделии из фаянса, слушал и слушал непрекращающуюся игру желудочного оркестра.

Я представил дирижёра, взмахивающего палочкой, и музыкантов с трубами, надувающих щёки, скрипачей, перепиливающих смычками прижатые к подбородкам инструменты, контрабасистов, перебирающих большие струны, и стоящего одиноко впереди всех распевającego солиста.

«А-а-а-а-а-а-а-а-а-а...»

«О-о-о-о-о-о-о-о-о-о...»

«У-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у...»

Минут через десять в дверь санузла постучал Стёпа.

— Серый, ты ещё там? — спросил через дверь лауреат.

— Да, здесь... Меня тоже закрутило... — ответил я, продолжая слушать инструментальный концерт. — А я еле добежал до первого этажа! — признался друг. — Чуть успел. Прямо перед вахтёршей неудобно. Она ко мне с разговорами, а я ей рожи корчу, едва сдерживаю то, что у меня в желудке бурлит, наружу рвётся...

Переговариваясь через дверь, мы пришли к версии, что причиной нашего желудочного расстройства мог стать «Доширак».

Выйдя из санузла, я порылся в своей походной сумке, нашёл угольные таблетки и убедил приятеля проглотить сразу по три. Запили апельсиновым соком и решили лечь спать.

То ли таблетки действительно подействовали, то ли дала знать о себе усталость, но уснули почти сразу и проспали до завтрака.

Воздержавшиеся от любви

Под утро мне приснились девчонки в купальниках. Их было трое, симпатичных, одна лучше другой. Девчонки, без умолку смеясь, звали меня купаться. А я, испытывая сладкую истому, блаженствовал,

лёжа на песке на берегу то ли реки, то ли озера, а может, даже моря, и куда не хотел идти. Девчонки тянули меня за руки, за ноги, обнимали, даже целовали и поднимали за плечи...

Проснувшись, я увидел Стёпу сидящим на диване и записывающим в блокнот новые строки. Лица и улыбки девчонок ещё стояли перед глазами. Впечатлённый сновидением, я решился было рассказать про сон приятелю, но он меня опередил.

Оторвавшись от блокнота, Степан неожиданно сказал:

— Сегодня всю ночь меня девки мучили.

— В каком смысле? — ошарашенный, задал я ему глупый вопрос.

— Тащили меня за руки и уговаривали на «Мерседесе» кататься...

Когда я, задыхаясь, рассказал ему о своём сне, Стёпа выпустил из рук блокнот и уронил на пол авторучку.

— Это неспроста! — воскликнул поэт-лауреат. — У меня прямо во сне такая ломота началась, что даже домой захотелось, к жене.

— А может, это тоже последствия «Доширака»? — предположил я.

Степан задумался, но ничего не сказал, лишь поднял с пола авторучку и снова записал несколько строк в блокнот.

Пока собирались на завтрак, я нашёл пуговицу от своей рубашки, спрятавшуюся в уголке кресла.

Я был рад находке и поделился новостью со Стёпой.

— А я вот, наоборот, носок потерял, — сказал на это лауреат патриотического конкурса. — Вчера выложил из сумки на диван четыре носка, а утром смотрю — три. Куда один девался? Под диваном нет, под кроватью — тоже, и на полу не валяется.

Степан надел два парных носка, оставив одиный на диване, и мы отправились на завтрак.

После завтрака настроение наше поднялось. Вчерашние приключения в санузле показались мне недоразумением, и я был уже полон мыслями о предстоящих встречах в столице с друзьями и ещё не знакомыми мне людьми. Стёпа, кажется, тоже забыл о вчерашнем неприятном путешествии на первый этаж и непарном носке на диване.

В общем, мы, как обычно, собрались, совершили марш до железнодорожной платформы, благополучно втиснулись в электричку. Ну а дальше — Киевский вокзал, метро, встреча с друзьями. День снова пролетел как сон. В компании двух поэтесс — Инессы и Велесы — мы съели по два чебурека у станции метро «Баррикадная», под знаменитой московской сталинской высоткой. Поэтессы читали нам свои стихи: Инесса — на манер Поля Верлена в переводе Бориса Пастернака, а Велеса — в стиле русских былин. Я хвалил их и хлопал в ладоши, оценивая стихотворок не за их вирши, а за женственность и привлекательность,

и когда Славвер, не терпящий фальши в поэзии, пытался их критиковать, я, как бы случайно, опрокидывал его стаканчик с чаем. Дважды чай выливался на асфальт, один раз на куртку лауреата. После каждого чаепролития я доставал из кармана мелочь и отправлял Степана за новым стаканчиком с горячим чаем и, как полагал, тем самым гасил возможные недоразумения на самой их начальной стадии. Поэтессы мне понравились ещё и потому, что были похожи на девчонок из моего сна. Я даже подумал пригласить их к нам в переделкинский Дом творчества, но они, называя нас ласково Сереньким и Стёпочкой, наперебой говорили, что они наши литературные сёстры. Получалось, что мы были им почти родные братья. Мы со Степаном хоть и были поэтами, но выводы сделали: с собой их так и не позвали.

А московская осень дарила нам ещё один хрустальный денёк. Солнце пригревало по-летнему и ласкало и нежило нас. Хотелось любви и восторга, хотелось общения с прекрасными поэтессами, долгого и даже нескончаемого разговора с женщинами, ранее не виданными нами, хотелось бродить по московским улицам и скверам бесконечно и говорить, и слушать, и снова говорить...

Хотелось...

Наверное, всё же хотелось больше мне. Хотя и Степану, видимо, тоже. Правда, ему ещё всё-таки хотелось провести разбор творчества поэтесс и вынести свой вердикт. Я мешал ему как мог. Даже рассказывал анекдоты.

Девчонки расцеловали нас по-родственному уже в глубоком подземелье, где мы разъехались в разные стороны, договорившись встретиться завтра у памятника Первому Поэту Всея Руси. Стёпа на прощание всё же хотел что-то сказать поэтессам про их стихи, но, поцелованный сразу с двух сторон, закрыл рот, едва разинув.

По пути в Переделкино, в электричке, Степан поведал мне свою тайну, сообщив, что деньги на мелкие расходы у него кончились и ему придётся вскрыть заначку, зашитую супругой в нижнем белье. Стёпа не уточнил — где именно, а я не спросил. Там же, в электричке, вспомнив вдруг вчерашнее приключение, я сочинил несколько вариантов четверостиший, остановившись на вот таком, более приличном, чем остальные:

Чтоб мужской торчал прибор,
Вёл желудок разговор,
Чтоб в стихах ты был мастак —
Ешь почаще «Доширак»!

Сочинил, наверное, ещё и потому, что понял, что на ужин мы опять опоздали и нам придётся снова, проходя мимо павильона, купить колбасы, хлеба, апельсинового сока и лапшу «Доширак».

Стёпе Славверу такое зачитать я не рискнул, но когда мы пришли в свой номер, загрузив

в павильоне пакеты традиционным набором продуктов (водку в этот раз не брали), я размашисто записал эти четыре строчки на листочке своего блокнота, оторвал и прикрепил на скотч в санузле, рядом с зеркалом.

Сделал это после того, как мы съели купленную лапшу и я пошёл принимать душ, а Степан, как всегда, взялся за блокнот и авторучку, устроившись на диване.

Прикрепив листочек со стихами, я отрегулировал потоки воды и встал под душ, на этот раз напевая:

Москва златоглавая,
звон колоколов,
Царь-пушка державная,
аромат пирогов.

Я пел и вспоминал горячие чебуреки на «Баррикадной», симпатичных поэтесс — неестественно белокурую Инессу и естественно-живую Велесу, отдавая предпочтение Велесе за искренность в глазах и толстую русую косу до пояса. С перекинутой через плечо косой, в лёгкой сиреновой косыночке, Велеса была божественна, как сама Лада.

С чувством лёгкой влюблённости, уже выходя из санузла, я подумал, что «Доширак» всё же не так виноват в наших со Стёпой вчерашних желудочных проблемах. Вчера нас выжал фестиваль, и мы расслабились, а сегодня нас вдохновили Инесса с Велесой и мы прекрасно себя чувствуем, даже поев лапши.

Мысли мои в этом направлении укрепились ещё прочнее, когда я глянул на Стёпу, увлечённо записывающего свои вирши в свой разбухший от стихов блокнот и не обращающего на меня внимания. Поняв, что мне снова убирать со стола, не мешая приятелю, я упаковал в контейнеры из-под лапши, всё, что нам уже было не нужно, и понёс к мусорному ведру в санузел. Листочек рядом с зеркалом сразу бросился в глаза. Я подумал, что теперь строки, записанные мною, не так актуальны, но снимать листочек не стал: пусть останется для истории.

Я бросил мусор в ведро и замер на минуту. Желудок молчал. Концерт не начинался. Оркестранты и солист сегодня отдыхали.

— Серый, я тут Инессе посвящение написал, — сказал мне Стёпа, едва я снова появился перед его очами. — Она хоть и прозападные стихи пишет, но красивая. Сочинил ей пожелание: от корней не отрываться. В душ схожу — Велесе напишу. Тоже красивая... Завтра им прямо под памятником Первому Поэту России и прочту.

Лелеющие унитаз

Стёпа разделся до трусов, сунул ноги в тапочки-сланцы и довольно-сияющим пошлёпал в совмещённый санузел.

Я же сел в кресло и включил телевизор. Искося глядя на экран, ожидая новостей спорта, раскрыв сумку, достал несколько подаренных мне сегодня книжечек. Среди них были небольшие сборники стихов Инессы и Велесы.

Брат сибирский дорогой!
Не забудь сестру свою, девицу,
И октябрьские звёзды над Москвой,
И счастливые сияющие лица!
Нашей встречей буду я гордиться!—

было начертано Велесой на сборнике, подаренном мне. Инесса написала на своей книжке следующее:

Серому от Белой,
Сибиряку от москвички,
Поэту от поэтессы.
Мои стихи—Вам...

Интересно, что они там Славеру написали?

Читать стихи из сборников я не стал, а полюбовавшись фотографиями столичных див на обороте обложек, вложил в сборнички по кленовому листочку вместо закладок. Уложив эти и другие книжки в большую сумку, где уже лежал с десяток подаренных мне и упакованных для путешествия в Сибирь сборников, я решил попить чаю.

После ужина на столе оставались два кружочка колбасы и кусочек хлеба. Я хотел было отрезать ещё колбасы, но, не найдя на столе ножа, решил обойтись тем, что было.

Дождавшись спортивных новостей и узнав, кто и как с кем сыграл в набирающем ход чемпионате страны по футболу, я переключился на передачу о культуре и литературе.

Прошло примерно полчаса, прежде чем я вспомнил о Степане. Сбавив громкость телевизора, прислушался. В санузле было тихо: ни шума воды, ни шуршания, ни кряхтения.

— Стёпа, ты живой?—спросил я, подойдя к двери туалета.

Степан не ответил.

— Стёпа!—громче позвал я друга.—Степан! Ау!
— Щас, Серый, щас...—услышал я наконец неуверенный голос первого сибирского поэта.

— Всё в порядке?

— Да, всё,—сказал Степан и открыл дверь.

Он стоял в трусах и сланцах, без полотенца на шее, совершенно сухой.

Сделав шаг вперёд, я обомлел: пять пятидесятичных бумажек в ряд краснели, разложенные по краю ванны. Будто только произведённые на свет, ещё сырые красные бумажки доходили здесь до кондиции. В умывальнике, что под зеркалом, между ванной и унитазом, лежал потерянный со стола нож. Чуть выше и левее белел прикреплённый скотчем листок с моим четверостишием. Сам Стёпа стоял, чуть пригнувшись, словно готовясь к рывку, и растерянно глядел на меня.

— Ты чё, тут бабло печатаешь?..—сам не ожидая от себя, шёпотом спросил я приятеля-пиита.

— Серый...—так же тихо сказал мне друг-сибиряк и кивнул на унитаз.—Я их оттуда выловил...

Я осторожно подошёл к универсальному тазу и осторожно заглянул.

В прозрачной воде ни денег, ни чего другого не было видно.

— Больше не видно,—продолжал тихо говорить Славер.—Но должно, наверное, быть ещё... Одна или две купюры...

— Откуда они там?

— Не знаю... Выплыли...

— Сами?

Степан пожал плечами.

— Сами выплыли?—повторил я вопрос.

— Ну да...—замялся Степан.—Я хотел сначала присесть, но глянул туда, а там—плавают...

— Может, они из бачка смывного туда попали?—предположил я.—Что-то мало верится, чтобы снизу выплыли...

Я снова заглянул в слегка шипящий унитаз: деньги не выплыли.

— Интересный случай...

Я был в недоумении, скажу больше—в растерянности. Мне не один раз в жизни приходилось находить деньги: и мелкие монеты, и крупные купюры. Они чаще попадались на улицах, на рынках, на вокзалах и в магазинах, лежащими на земле, на асфальте, на полу... Но чтобы купюры выплывали из унитаза!..

— Ну, раз ты утверждаешь, что деньги выплыли снизу, то они и вправду могут выплыть ещё...—сказал я, подумав.—Нам пока бросать в унитаз ничего не надо и слив делать не надо... Будем ходить в туалет на первый этаж...

— Ладно,—кивнул Степан.—А помыться можно? Это не повлияет на состояние унитаза?

— Да мойся, конечно,—разрешил я.—На унитазе это не отразится. Ты только деньги убери с ванны, разложи лучше возле батареи и мойся.

Степан снова кивнул, и я, оставив его, пошёл на первый этаж. В разведку.

— У вас там что-то случилось?—спросила меня встревоженно белокурая дежурная—дочь сибирячки, выдававшая нам ключи в день заселения.—Да нет, всё нормально,—успокоил я её.—Просто приятель там, в ванной, моется, а мне в туалет нужно...

— А я уж подумала, что у вас там что-то сложилось. Вчера друг ваш санузел искал, теперь вы...—сказала она уже спокойнее.—Дверь налево от лестницы.

— Спасибо.

Я задержался в туалетной комнате подольше, с намерением до утра больше не ходить. Но всё же под утро не выдержал, а после завтрака завернул налево от лестницы ещё раз.

Степан за ночь бегал дважды. И я, и он, уходя на первый этаж, продельвали маршрут через наш санузел и заглядывали в унитаз. Вода в нём оставалась прозрачной. Ни пятитысячные, ни тысячные, ни другого достоинства купюры всплывать больше не хотели.

Той ночью я просыпался ещё раз от негромкого стука и шороха. Степан, крихтя, отодвигал кресло в комнате и заглядывал под диван, высвечивая там маленьким фонариком, который всегда возил с собой.

Утром он мне объяснил, что искал потерянный носок.

— Зато нашёл вот... твою пуговицу.

Степан протянул мне на ладони пуговицу из разряда таких же, что были на моей рубашке.

— Да я же вчера нашёл...— растерялся я, принимая пуговицу и проверив карман рубашки, куда положил вчера найденную на кресле.

Вчерашняя пуговица была там. А откуда взялась эта?

— Ладно, будет запасной...— улыбнулся я другу, укладывая его находку в тот же нагрудный карман рубашки.

Уходя на завтрак, мы вместе зашли в санузел и поочерёдно заглянули в унитаз. Чистота и прозрачность поражали. В кафе, до завтрака и сразу после него (на всякий случай, для профилактики, как сказал Степан), мы поочерёдно посетили тамошний туалет.

Не выплыли купюры и перед нашим уходом на электричку.

На этот раз нам повезло: в вагоне электропоезда народу было немного, и нам даже удалось найти свободные места. Не мешая думать лучшему пииту Сибири, я записал в свой блокнот такие строки:

А чудеса случаются:
Есть чудо-унитаз—
Купюры там купаются.
Степан поймал пять раз.
Мы возле унитаза
Дежури́м по утрам,
Но пока ни разу
Поймать не смог я сам—
Ни тыщи, ни полтыщи,
Ни сотни, ни полста.
Об этом только мысли,
Об этом лишь мечты.
Мы таз универсальный
Лелеем, бережём.
В него мы натуральное
Не льём и не кладем.
Забыв предназначение,
Потребности забыв,
Мы ловим вдохновение,
Не дёргая за слив.

Конечно же, я не рискнул такими виршами потревожить думы лидера сибирских поэтов. Как только показалась платформа Киевского вокзала, я спрятал свой блокнот поглубже в сумку и тронул за плечо задумавшегося Славера:

— Нам сходить...

Пленённые Концентратом

У памятника Главному Поэту Отчизны мы встречались не только с Инессой и Велесой. Там нас ждал ещё и мой друг по Литературному институту Ярослав Армави́ров, приехавший в столицу на фестиваль поэзии из Ставрополя. Все вместе мы собирались в Центральный Дом всех литераторов всей страны, где в легендарном кафе-подвальчике в два часа пополудни назначил нам встречу инициатор патриотического фестиваля Сева Молотков. Мы действовали по его плану.

Когда мы со Степаном вышли из подземного перехода в районе станций метрополитена «Пушкинской», «Чеховской» и «Тверской», Ярослав уже фотографировал Инессу с Велесой на фоне памятника Величайшему Поэту. Я сразу же виновато начал извиняться за то, что мы приехали позже всех, приплетая в причины электричку и завтрак по расписанию.

— Не стоит извинений,— оборвала меня Велеса и, взяв под руку, добавила:— Все знают, что вы за городом живёте. Это нам здесь на метро почти ничего не стоит до центра добраться.

Инесса держала под руку Ярослава. Оставшийся без пары, стоявший между нами и напротив памятника Стёпа Славера не растерялся и начал громко читать стихи, посвящённые нашим поэтессам. Когда он закончил, Инесса и Велеса, не отрываясь от нас с Ярославом, уже держали стихотворца с двух сторон под руки. Вот такой плотной группой мы и сфотографировались вначале на фоне Тверского бульвара, а потом у памятника, попросив нажать на кнопку фотоаппарата прохожего молодца.

Потом мы прогулялись вниз по Тверской до Красной площади, по пути зашли в знаменитый книжный магазин, где Ярослав приобрёл большую книгу литературоведа Юрия Лотмана «Беседы о русской культуре». Запечатлевшись на фото возле Кремля и гума, мы прошли по Александровскому саду до Боровицких ворот, вышли на улицу Моховую, а потом на Большую Никитскую, долгое время носившую имя А. И. Герцена. Конечно же, наш неспешный путь лежал к Центральному Дому литераторов, к ЦДЛ, где, мы не сомневались, нас ждал в назначенное время неутомный, вечно живой поэт Молотков.

Да, мы не торопились. Шли по улице, останавливались, фотографировались, читали стихи. Степан с Ярославом читку по очереди превратили в поэтическую дуэль. Особенно их шпаги обострились, когда мы подошли к фонтану-ротонде

«Натали и Александр», установленному у Никитских ворот в честь двухсотлетия Великого Поэта. Сфотографировались в ротонде, а потом на фоне церкви «Большое Вознесение», где венчалась великая пара. Остановились у памятника писателю Алексею Толстому, там же решив, что необходимо заглянуть и к его однофамильцу-графу Льву Николаевичу.

Чтобы выйти на Поварскую и к дому Ростовых, мы прошли мимо Дома литераторов, полагая, что до встречи с Молотковым у нас есть ещё час времени.

До чего всем нам было тогда хорошо! Мы чувствовали себя счастливыми! Столица располагала к себе нас, сибиряков, и нашего друга из Ставрополя гостеприимством и погодой. Москва радовалась нам и нашим поэтессам-москвичкам, продолжая шуршать золотом клёнов, бросая нам под ноги резные листья. И мы восторгались непрерывно. Я — от встречи с поэтессами, особенно с Велесой, Ярослав — от счастья побывать на фестивале и встретиться с нами, Степан — от сочинённых здесь им стихов, Инесса и Велеса — от общения с литературными братьями, которых стало больше на одного благодаря Ярославу, и ожидания скорой встречи с ещё одним — Молотковым. И солнце, взобравшись в самый зенит столичного неба, жёлтым алмазом сияло для всех и показывало, что оно сейчас в хорошем расположении к Москве, москвичам и приезжим.

Сфотографировавшись возле Льва Николаевича и прославленного им на века дома дворян Ростовых, мы с Ярославом помахали на всякий случай в окно второго этажа, где находился офис нашего крёстного литературного отца по столице — Леонида Васильевича Критика-Байкальского, главного редактора «Поэтически-прозаического Парнаса» и по совместительству президента Академии российской словесности. Помахали на всякий случай: вдруг он там, за шторкой, за своим рабочим столом? В план Молоткова, обрисованный нам на сегодня, наше посещение офиса редактора и президента не входило, поэтому мы заходить к крёстному папе не стали, а поспешили в ЦДЛ.

Центральный дом литераторов России и ближнего зарубежья всегда притягивал приезжающих в столицу писателей и поэтов. Попавшие на день-два, а то и на месяц в Москву литераторы, как правило, стараются выкроить время и заглянуть на какое-нибудь мероприятие в ЦДЛ, и большинство из них обязательно спускаются в знаменитый писательский подвальчик — выпить по сложившейся традиции сто (двести, триста, а то и более) граммов «Столичной» водки и закусить порцией (а то и двумя) почти что фирменной солянки. Ресторанчик этот описан в нескольких литературных произведениях известных всей

стране писателей и даже не знакомым многим в России поэтом из Байкита по фамилии Неизвестных. Мы со Стёпой Славёром видели этот подвал в фильме «Козлёнок в молоке», снятом бригадой из трёх режиссёров по роману популярного с молодых лет Юрия Полякова. Знаком подвальчик и сам Дом писателей и Ярославу-ставропольскому. В ЦДЛ мы ходили с Яриком каждую пятницу в бытность нашу учащимися Высших литературных курсов, пробираясь дворами из Литературного института на творческие встречи. Заглядывали и в подвальчик, выделяя из скромной стипендии гроши на чай и бутерброды. В большой зале мы встречали Юрия Бондарева и Мустая Карима, приветствовали девяностолетнего Сергея Владимировича Михалкова и всегда молодую Беллу Ахатовну Ахмадулину. В переполненном малом зале попали один раз на выступление Евгения Евтушенко, а в фойе, у книжной лавочки, бывало, сталкивались с Валентином Распутиным, Константином Ваншенкиным, Егором Исаевым и ещё многими, многими и многими...

А скольких знаменитых артистов театра и кино видели мы на сцене ЦДЛ! Георгий Жжёнов, Михаил Ножкин, Василий Лановой, Сергей Никоненко, Лидия Скобцева, Людмила Зайцева... Всех даже не перечтёшь!

Отсюда мы и провожали в последний путь ставшего при жизни классиком поэта Юрия Кузнецова.

Ярослав первым оказался возле стеклянной двери ЦДЛ и, открыв её, пропустил сначала Инессу с Велесой, а потом и нас со Степаном.

— Вы обедать, ребята? — спросил на входе улыбчивый охранник.

— Да, обедать, — ответил за всех Ярослав.

— Проходите, проходите! У нас вкусно готовят. Прямо, направо, вниз!

Охранник, не гася улыбки, сделал несколько дирижёрских движений, показывая, куда нам следовать, и мы, не вступая в разговоры, пошли по указанному им направлению.

Молоткова ещё не было. Пока раздевались, Ярослав переговорил с кассиршей и сообщил, что нам разрешили сдвинуть два столика у стенки в средней части зала.

Степан и девчонки сели за столик, а мы с Ярославом пододвинули впритык ещё один и, подставив два стула, устроились рядом. Впрочем, скорее, устроился я, а Ярослав, присев на полминуты, тут же поднялся и пошёл заказывать обед.

Нам принесли шесть порций солянки, шесть отбивных с гречкой, окропленной подливом, графинчик с водкой.

— Я на Севку тоже заказал, — пояснил Ярослав, — должен уже быть... С утра звонил, предупреждал, чтобы я не опаздывал, а самого нет что-то... Давайте немного подождём. Минут пять...

Через пять минут Сева не появился, не пришёл и через десять. Солянка остывала, водка выдыхалась, и мы решили выпить по пятьдесят граммов, закусив горячим.

— Я рад, что мы вместе, — сказал короткий прозаический тост ставропольский поэт.

Мы кивнули и сдвинули рюмочки в центре стола. По негласному сигналу Ярослава выпили почти одновременно и взялись за ложки.

Божественная солянка заблаженствовала во рту, протекла, согревая, по трубочке горла и, достигнув желудка, ублажила пищевод. Я не стал высянять состав блюда, не торопясь делал черпачок за черпачком, неспешно пережёвывал, глотал и наслаждался. Остальные ели азартно, не поднимая голов. Совершив с утра долгую прогулку по столице, мы нагуляли аппетит, и теперь он командовал нами.

Молотков появился неожиданно. Словно вырос за спиной Ярослава, сел на свободный стул.

— Не знаю, что и делать, — сказал он, не здороваясь и не снимая осенней куртки. — Тут ко мне Концентрат прицепился, а я не смог от него отвязаться. — Какой Концентрат? — потребовал от него ненавязчивого объяснения Ярослав, доев первым свою солянку.

— Да Витамин... — попробовал пояснить Молотков. — Стихотворец один здешний... Не совсем нормальный... Встретил меня возле «Баррикадной» и не отстаёт. Я два круга дал тут, а он за мной ходит, спрашивает, почему я его на фестиваль не пригласил. Там его ещё не хватало!

— А где он? — спросил Ярослав, отодвинув пустую тарелку и потянувшись к другой — с отбивной и гречкой в подливке.

— Пришлось сюда с ним идти. А что ещё делать? — говорил Молотков, расстёгивая молнию куртки. — Он в туалет пока, а я к вам — предупредить. Может, оттуда выйдёт, искать меня не станет?

Молотков посмотрел на всех с надеждой и наконец поздоровался: нам со Стёпой кивнул, а девчонкам устало улыбнулся.

— А что он нам сделает, если и найдёт? — поинтересовался Ярослав, пока мы заканчивали с солянкой. — Да он вообще ничего не даст никому сделать. Даже слова сказать не даст! Его только и будем слушать.

Молотков поднялся, снял куртку, повесил её на спинку стула и снова сел.

— Ну и ладно... — сказал на это более инициативный Ярослав. — Посмотрим, когда придёт. А пока давайте ещё по пятьдесят граммов. У нас гречка остыла уже, а ты, Севка, солянкой закусывай.

Я, Стёпа и Велеса с Инессой снова подчинились команде ставропольского поэта. Рюмочки (на этот раз шесть) опять сдвинулись и повисли в центре стола.

— За встречу, друзья! Рад всех видеть! — сказал Молотков и выпил первым.

Московский поэт после «Столичной» набросился на цдээловскую солянку, а мы уже орудовали ножами и вилками, разбирая на части отбивные и заедая гречкой с подливом.

Концентрат, названный Молотковым ещё и Витамином, как и многие московские пииты или давно окопавшиеся в столице стихотворцы, тоже имел способность появляться в нужных ему местах неожиданно-незамеченным. Сначала мы услышали полубас-полухрип, а потом уже увидели стоящего за спиной Севы седого длинноволосого небритого человека в выцветавшем френче, когда-то имевшем чёрный цвет.

— Пока я в писательском сортире порядок навожу, поэт Молотков уже к столу пристроился и ровнял себе шею с ушами!

Человек засмеялся, разбрызгивая при этом слюну прямо над головой нашего друга, и мы догадались: что это и есть Концентрат-Витамин.

Сева опустил ложку в тарелку и замер. Но не остановился Ярослав: он решил взять сегодня на себя бремя нашего лидера.

— Вам кого, товарищ? — спросил он возникшего из ниоткуда человека, держа в одной руке ножик, а в другой вилку. — Мы все вот здесь — друзья. Съехались из разных городов страны в столицу нашей Родины — город-герой Москву, встретились и решили отметить нашу встречу. Вас мы не знаем и к себе за стол не пригласим. Не надейтесь и идите своей дорогой.

Но Витамин ни грамма не смутился.

— Ты-то вот, землячок, допускаю, обо мне, может, и понятия до сегодняшнего дня не имел, как и вот эти два залетевших на московский листопад крававца, — сказал он, кивнув на нас со Стёпой. — А вот Молотков Всеволод Иванович, поэт и организатор фестивалей, знает меня уже лет двадцать. И этим девицам я тоже знаком, хотя представлен им пока не был. Так что пятьдесят процентов вашей компании обо мне знают, а потому я беру на себя смелость и право присоединиться.

Витамин за годы жизни в столице, видимо, приобрёл сноровку не только появляться неожиданно там, где ему надо, но и способность вживляться в разные компании с ходу, с напором и с натиском.

Концентрат взял стул от соседнего стола и бесцеремонно втиснул его между Молотковым и Славяном.

— Всё же позволите представиться, — с поклоном, приседая и раздвигая Севу со Стёпой, произнёс он басовато-хриповато, — Виталин Концентратов — поэт московских тусовок и подмосковных вечеров. В имени прошу делать ударение на последний слог.

Все, включая Молоткова, молча смотрели на нахально внедряющего в нашу компанию человека.

А поэт тусовок и вечеров, видя нашу растерянность, плеснул из графинчика в опустевшую Севкину рюмку «Столичной», быстро выпил и,

не дав никому опомниться, вцепился вилкой Молоткова в его же отбивную.

— Концентратор—это псевдоним?—спросил пришедший в себя первым наш лидер—поэт из Ставрополя.

— Да, конечно же!—воскликнул Молотков, понявший, что его не только объедают, но ещё и обпивают.—На самом деле это—пытающийся выдать себя за известного поэта некто Виталий Синепопов.—Я член Союза!—прохрипел Концентратор-Синепопов.—И Синепоповым я никогда не был! Это враньё! Наглая выдумка завистников.

— Только мне не говори!—пошёл в атаку Молотков.—Я твои документы видел в приёмной комиссии в Союз и знаю, как ты туда вступил!—Вступил, как все нормальные настоящие поэты,—не смущаясь и прожёвывая отбивную, сказал Концентратор.—Не вступил даже, а впорхнул, влетел на Пегасе на второй этаж особняка на Комсомольском проспекте. А потом...—Виталин, названный Севой Виталием, перестав жевать, поднял над головой вилку.—А потом покорённая моими стихами и облитая слезами комиссия долго аплодировала мне стоя... И я ушёл оттуда с членским билетом в кармане и долго-долго летал над столицей.

Виталин Концентратор, по другим данным—Виталий Синепопов, бросил вилку на стол и посмотрел на нас. На всех по очереди.

— У меня, как у настоящего поэта, много завистников и недоброжелателей,—сказал он, остановив взгляд на Молоткове.—Я не отношу тебя, Сева, к таковым, но с фестивалем в этот год ты меня прокатил. Ну и ладно, прощаю. Зато меня в Мытищи, в Люберцы, в Королёв постоянно выступать приглашают. Любят меня там и пожилые, и молодые. Особенно поэтессы начинающие.

Виталин снова рассмеялся и снова обрызгал слюной Молоткова.

— Ну ладно, ладно...—укрывая лицо рукой, чуть отодвинулся Сева.—Ты только, Виталий, стихов нам не читай. Мы уже заканчиваем тут и расходимся по своим делам.

— Да не буду я, не буду, не беспокойся,—закивал Концентратор, выливая из графина остатки водки в рюмочку Молоткова.—Хотя, может, и надо было... Я сейчас в туалет здешний зашёл, а там все четыре кабинки заняты и очередь человек из десяти стоит. Думаю, дай посмотрю, чем тут так кормят, что народ косяками в сортир валит. Гляжу—и вправду вкусно готовить научились. Отбивная—шик!

Концентратор-Синепопов выпил водку и стал доедать молотковскую отбивную.

Мы переглядывались и молчали, пока он ел. Сидели как угодившие под гипнозом в концентраторовский плен. Мне показалось, что попроси Виталин у нас ещё водки и закуски—мы бы ему уступили.

— Красивые девчонки,—доев отбивную и доскребая гречку, проговорил Концентратор, довольный и с аппетитом поглядывая на Велесу с Инессой.— Меня на той неделе вот такая же вот пригласила к себе после творческой встречи. Поехали к ней в Строгино. Прошли тихонько, чтобы соседи внимания не обратили. Ну, она там столик организовала: коньячок хороший, лимончики-мандаринчики, сервелат, икорка... Пока поэтессочка ванную принимала, я не удержался—раза три к рюмочке приложился, шоколадом закусил... И, видать, от коньяка-то (я обычно лучше водочку, но в гостях же не будешь командовать: что дают, то и пьёшь) у меня давление поднялось. Носом кровь пошла... Эта Наташа из ванной выскочила, не знает, что делать. А я уже брюки себе кровью закапал, и скатерть, и палас подкрасил... Она вату бросилась искать, не нашла, дала мне бинт. Я в норку себе с полметра затолкал, брюки снял, на диван лёг вверх лицом, а кровь через рот пошла. На подушку, на диван полилось... Она мне какое-то покрывало принесла, я и его тоже уделал... Не знали, как остановить. Я ещё две рюмки коньяку выпил, но не помогло. Пришлось скорую вызывать. Зря от соседей таились, полдома видели, как меня на скорой увозили. Да и увезли ещё в одних трусах... И брюки, и рубашка, и сумка с телефоном и деньгами—всё у неё осталось. Представляешь?—обратился почему-то к Славеру захмелевший уже Виталин-Витамин.— Я в одних трусах в больнице скорой помощи. Они мне там что-то в нос впрыснули, укол поставили, кровь бежать перестала. И всё: гуляй, Виталя! Иди, мол, домой, поэт Концентратор. Позвонить разрешили, правда. А я поэтессы этой, Наташки, фамилию даже не знаю, не то чтобы номер телефона... Дозвонился до одной бывшей, привезла она мне брюки какие-то—джинсы с дырками—и рубашку такую же. Дала сто рублей на автобус... — Ну а потом? Вещи свои вернули?—спросил с участием Славер.

Остальные молча смотрели на говорившего: Инесса с Велесой—чуть смущённо, я, Ярослав и Сева—с видимым желанием услышать конец рассказываемой истории.

— Да, конечно, вернул...—взмахнул рукой и ударил по столу Витамин.—Чтобы Концентратор да не вернул! Она сама меня нашла и привезла всё...

Не знаю, как бы мы освободились от надоевшего нам поэта Виталина Концентратора. Скорее всего, Ярослав бы снова взял инициативу на себя и дал команду заканчивать трапезу. Сам Концентратор расставаться с нами не спешил. Но тут нам был послан свыше зашедший вдруг в кафе-подвальчик наш любимый наставник Критик-Байкальский.

Он искренне обрадовался нам с Ярославом. Мы не виделись лет пять, и Леонид Васильевич, крепко пожав нам руки, стал приглашать в свой офис.

Мы сразу же дружно и облегчённо поднялись и Oblычённо почувствовали, что освободились от концентратовского гипноза. Виталин же не хотел нас отпускать от себя и засобирался было с нами.

Заметив это, редактор «Поэтическо-прозаического Парнаса» и президент Академии словесности порыв поэта подмосковных вечеров остудил, задав ему простой вопрос:

— Ты когда мне, Виталья, двести рублей занесёшь?

Виталин-Виталий тут же замер.

— Третий год уже пошёл, как ты на два дня у меня занял. Учти, инфляция уже в пять раз их подняла за это время. Так что сам считай, сколько это теперь будет по нынешнему курсу...

— Леонид Васильевич, я отдам, я...—замаялся поэт тусовок и вечеров.

Блеск в его глазах мгновенно угас, улыбка растаяла, и он как-то сразу стих, сник, стушевался. Будто спрятался в свой выцветший, когда-то бывший чёрным френч.

Улетающие из сказки

Вечером, перед самым нашим отъездом в аэропорт, небо вдруг нахмурилось. Столица то ли сердилась на нас, то ли не хотела отпускать, пугая нелётной погодой. Москва подарила нам семидневную золотую сказку, и теперь сказка заканчивалась. Сказка с добрыми и не очень персонажами, с героями, прилетевшими из-за тридцати земель, показавшими свою удаль и улетающими теперь из царства золотой осени в своё—суровое, каменное, хмурое. Герои встретились в доброй сказке со старыми верными друзьями, обрели новых и возвращались теперь домой с победой и надеждой на новые встречи.

Ещё вчера улыбалось нам солнышко, мы бегали за чебуреками к станции метро «Баррикадная», пили чай на Поварской у Леонида Критика-Байкальского и строили планы творческие и жизненные, смотрели в окно на великого и каменного Льва Николаевича Толстого.

Ещё вчера мы шли, счастливые, компанией из шести человек пешком от Поварской до Киевского вокзала.

Ещё вчера мы с Велесой жали друг другу руки и расставались со страстным поцелуем и лёгкими слезами.

Ещё вчера Славяры с Ярославом обменивались поэтическими сборниками, подписывая книжки один оригинальнее другого.

Ещё вчера жал нам руки сияющий Молотков, взяв с нас обязательство участвовать в фестивале на будущий год.

Ещё вчера мы со Стёпой в последний раз зашли поздним вечером в знакомый павильон и, уже не из-за того, что были голодны, а скорее по сложившейся традиции, взяли две пластиковых упаковки «Доширака» со вкусом говядины и, придя в номер, залив кипятком, съели лапшу, даже без колбасы и хлеба...

Ещё вчера у нас впереди был целый переделкинско-московский день...

А вот сегодня всё заканчивалось...

Прибитые дождём кленовые ковры в двадцатый день десятого месяца уже были не так яркие, дубы и ясени шумели над головами и охалками бросали в нас листву.

Экспресс от Киевского вокзала промчался мимо Переделкино во Внуково, и как мы ни старались, выглядывая в окно вагона,—так и не увидели нового корпуса Дома творчества, где провели семь вечеров и ночей и где остался пустым бест номер на четвёртом этаже писательской гостиницы. Где остались диван и кресло, с которыми связаны потери наших носков и пуговиц. Где остался не разгаданный нами чудо-унитаз, выбрасывающий пятитысячные купюры. Где жило своей жизнью, принимая новых посетителей, кафе, так и не покормившее нас обедами.

Шумный электропоезд, суетливый терминал аэропорта, неторопливая посадка, волнение перед взлётом—и вот мы уже летим над огнями столицы. Поднимаемся всё выше в тёмное небо. Повыше и подальше от Москвы, от Переделкино, от Молоткова и Ярослава, от Инессы и Велесы, от фестиваля патриотической поэзии, от встреч с друзьями и чебуреков на «Баррикадной», от переделкинского павильона, где продаётся лапша «Доширак»...

Улетаем из сказки.

Улетаем, забрав не только подаренные нам книги, собранные и набитые в сумки кленовые листья. Улетаем, унося с собой воспоминания—тёплые, грустные, щемящие в груди. Улетаем, ещё веря, но уже сомневаясь: а было ли на самом деле всё это?

Улетаем в суровую Сибирь, к угрюмому осеннему Енисею, в реальную творческую жизнь.

«Боинг-737» поднимается за освещённые луной облака, и мелкий морозящий дождик кончается.

А с ним кончается сказка...